

После глухого, тяжёлого шлепка Чи Чен наклонился и свысока вперил взгляд в человека, устроившегося у него на коленях:

— Говори, ещё посмеешь впредь пялиться куда не надо?

— Да кто блядь пялился? Повторяю ещё раз, это было нормальное рабочее обсуждение, — хриплым голосом процедил У Суовой, из последних сил сдерживая подступающие слёзы.

Последние дни Чи Чен словно с цепи сорвался — следил за ним едва ли не пристальнее, чем за собственными глазами. И всё из-за того, что У Суовой улыбнулся, разговаривая с сотрудником. Чи Чен тут же выволок его в комнату отдыха, водрузил безупречно чёрный кожаный ботинок на край кровати и резким движением швырнул парня вниз. Мир вокруг У Суовей завертелся волчком, и прежде чем он успел хоть как-то отреагировать, а мысли — собраться в кучу, он уже оказался прижат к согнутым коленям Чи Чена.

У Суовой повис на них, словно вяленая рыба: колени вроде бы и должны стоять на постели, но на деле земли не касались. В таком неудобном положении не получалось даже толком опереться и хоть на что-то опереться. Безуспешно поборовшись какое-то время, он даже не успел пожалеть испачканную постель — комнату вновь огласили несколько глухих ударов, от которых занемели даже бёдра.

Готовые сорваться с языка слова застряли в горле. Глаза покраснели быстрее, чем мозг успел осознать происходящее. У Суовой попытался повернуть голову, но сильная широкая ладонь Чи Чена намертво зафиксировала его. У Суовой мысленно выругался: этот старый лис Чи Чен, похоже, надумал изводить его всерьёз.

Раньше стоило ему только взглянуть на Чи Чена глазами полными слёз — неважно, виноват он был или нет, — как у того в груди сразу же всё таяло. Чи Чен тогда лишь грозно шумел, но вреда не причинял. Теперь же он заранее подготовился и перекрыл этот приём.

Чи Чен холодно хмыкнул, явно не покупаясь на жалость:

— Нормальное обсуждение?! Да у тебя рот чуть ли не до ушей разъехался, и ты называешь это нормальным обсуждением? Думаешь, я не знаю, о чём ты думаешь?

У Суовой лишился дар речи. И впрямь — кто тянул за язык, когда у него уже имелась дурная репутация?

В обычное время он бы тут же принялся оправдываться. Но за последние дни подобных инцидентов произошло слишком много, и, по его мнению, Чи Чен просто намеренно цеплялся к нему.

Быть виноватым — одно дело, но мужское достоинство терять нельзя. Собравшись с духом, он

выпалил:

— Хватит болтать, чего тебе надо-то?

Стоило словам сорваться с губ, как в ушах защекотало от знакомого голоса:

— Значит, признаёшь?! Ладно, тогда пойдём по старой доброй традиции.

Старая добрая традиция Чи Чена заключалась в том, чтобы гонять его по кровати до седьмого пота, причём каждый раз находя всё новые и новые извращённые способы. Если бы Чи Чен всю эту фантазию направил на разработку секс-игрушек, то меньше чем за год точно вышел бы на мировое лидерство.

Не будь у У Суовея такой тонкой кожи, он бы сам с удовольствием скотил на этом состояние.

Впрочем, сейчас ему было не до подобных мыслей. Судя по тону Чи Чена, тот собирался пустить в ход какую-то особую кару. У Суовея уже открыл рот, чтобы запросить пощады, но Чи Чен, подхватив его, как цыплёнка, единым движением швырнул на кровать.

Затем внизу живота повеяло холодом. Следующие несколько часов Чи Чен даже не смотрел на него и не давал возможности сказать хоть слово. Все попытки сопротивления У Суовея провалились, его стоны постепенно сменили оттенок — боль и наслаждение переплелись воедино, и в конце концов он, превратившись в бессловесную рыбину, покорно позволил Чи Чену делать с собой всё, что заблагорассудится.

Под конец он устал настолько, что не мог поднять и руки, а в голове крутилась лишь одна навязчивая мысль: как только он встанет, тут же найдёт за что зацепить Чи Чена и устроит ему знатную взбучку.

Чего У Суовея никак не ожидал, так это того, что, проснувшись, он вернётся в студенческие годы.

Просидев на кровати с одурманенным видом добрых десять минут, он с трудом усвоил эту новость и, окончательно убедившись, что ему не мерещится, глупо улыбнулся. Подбирающийся к тридцатнику возраст вдруг откатился назад до зелёного юнца, мать целёхонька и дома, а Чи Чен всё ещё ходит в студентах.

За эти десять минут он успел мысленно обсмаковать все прелести внезапного перемещения во времени.

Однако наслаждаться победой пришлось недолго — это вызвало недовольство соседа по комнате, Чжан Хао. Тот приподнялся на кровати:

— У Цицуй, ты там на кровати яйца высиживаешь? Скоро пара, марш в столовую за завтраком и занять нам места.

Следом за ним из ванной высунулся другой сосед, Лю Юйчэнь, растирая на голове мыльную пену:

— Братуха У, и на меня возьми порцию, я тебе потом на карту скину, вместе с платой за услугу курьера.

— Какого чёрта... — У Суовэй едва не сорвался, но тут же намертво зажал себе рот ладонью. Только что он думал лишь о хорошем и совсем забыл про самую большую гадость: сейчас он — У Цицун, нищий парень без гроша в кармане, а никакой не генеральный директор крупной компании.

У Суовэй тут же сменил тон:

— Ладно, проведу. Не забудь перевести деньги.

У Суовэй соскочил с кровати, быстренком привел себя в порядок и долго рылся в шкафу. Его одежда была донельзя деревенской, он битых полдня выбирал хоть что-то, что можно было надеть без слез, а потом еще покрутился перед зеркалом, укладывая волосы. Ему нужно было выкроить время и отправиться к Чи Чэну, чтобы посмотреть, каким же бунтарем был молодой Чи Чэн — тогда, когда он вернется в свое время, он сможет сводить с ним счеты пункт за пунктом.

— Тц-тц-тц, если кратко — просто красавчик!

У Суовэй с довольным видом простоял перед зеркалом целую минуту и только потом, закинув за спину рюкзак, вышел из дома. Чжан Хао посмотрел на его удаляющуюся спину с некоторым замешательством: ему все казалось, что У Суовэй ведет себя как-то не так, как обычно, но в чем именно заключалась разница, он сформулировать не мог.

На большой перемене У Суовэй потратил несколько минут на то, чтобы проложить самый дешевый маршрут до университета Чи Чэна. В этом ему очень помог прошлый опыт: в студенческие годы он подрабатывал где только можно, и Пекинский университет, где учился Чи Чэн, был его излюбленным местом — там многие богатые родители искали репетиторов для своих детей.

Хотя университет Аньцин, где учился сам У Суовэй, уступал Пекинскому, люди всегда стремятся к лучшему, поэтому У Суовэй каждый раз сначала выдавал себя за студента Пекинского, а затем завоевывал шанс своей работой.

Сегодня были сплошные основные пары, и, когда У Суовэй, закончив все дела, добрался до

Пекинского, было уже почти семь часов вечера. Он привычным маршрутом отыскал нужный факультет Чи Чэна и, поспрашивав людей, выяснил, что Чи Чэна в университете нет, а куда он направился, большинство без понятия. Стоя перед школьным стендом с объявлениями, он уставился на фотографии лучших студентов, среди которых на первом месте красовался Чи Чэн.

Среди множества отличников Чи Чэн привлекал больше всего внимания. Причем выделялся он не столько внешностью, сколько внушительным списком следовавших за ней достижений и наград — тут были и предметные олимпиады, и победы в различных увлечениях.

У Суовэй слегка засмотрелся, и в конце концов его взгляд упал на официальное фото на студенческом билете.

На фотографии веки Чи Чэна были чуть приподняты, а в ленивых глазах сквозила юношеская заносчивость. Зеленым сопляком его назвать было уже нельзя, но до образа заправского старого лиса из будущего ему было еще очень далеко.

Это был озаренный солнцем двадцатилетний Чи Чэн — тот самый юноша, которого он никогда прежде не видел.

Погодите-ка, если нынешний Чи Чэн все еще такой зеленый новичок, не значит ли это, что он может воспользоваться моментом, перейти в контратаку и вполне закономерно занять доминирующую позицию? Смодишь, потом по институту пойдут слухи, что главный универсальный альфа здесь — он сам.

Представив, как в будущем он прижимает Чи Чэна к постели, У Суовэй расплылся в многозначительной улыбке. Со старым прожженным лисом совладать трудно, а вот с малявкой — совсем необязательно.

— Хватит пялиться, у школьного красавчика уже есть пара.

Какая-то девушка с книгами в руках неизвестно когда бесшумно выросла у него за спиной.

У Суовэй тут же выдал дежурную фразу:

— Есть пара? И кто же?

Круглолицая девушка поправила оправу прозрачных очков и озвучила ответ, совпадавший с тем, что уже крутился в голове у У Суовэя:

— Ван Шо.

Ее голос звучал настолько спокойно, что в нем сквозила обреченная покорность.

Так быстро?

У Суовэй нахмурился: он только пришел, а уже должен становиться третьим лишним? Нет, погодите, перед тем как отправиться сюда, он просмотрел стену признаний Пекинского университета — кроме нескольких украдкой сделанных фотографий Чи Чэна, об этом не было ни слова.

— От кого ты это услышала?

— И спрашивать не нужно, в Пекинском каждый знает: Ван Шо — парень Чи Чэна. Они целыми днями неразлучны, и Чи Чэн даже часто ходит с Ван Шо на пары.

Брови У Суовэя чуть приподнялись:

— Ты уверена, что их двое, а не трое?

Круглолицая девушка на секунду опешила.

У Суовэй принял вид человека, которому все предельно ясно:

— Ты ведь совсем не считаешь Го Чэнью за человека, да? Впрочем, в каком-то смысле он и правда не человек.

Он был тысяче-, нет, десятитысячелетним старым лисом, вечно строившим козни против него и Чи Чэна.

Услышав это, круглолицая девушка явно возмутилась и тут же выпалила:

— Чи Чэн ради Ван Шо бросал одну девушку за другой, так что оставь свои надежды.

В глазах У Суовэя мелькнуло странное выражение. На вторую половину фразы девушки он никак не отреагировал — все его внимание было приковано к словам «одну девушку за другой». Он знал, что Чи Чэн мастада гульнуть, но никак не думал, что тот начал так рано.

Раньше он спрашивал об этом самого Чи Чэна, но тот особо ничего не рассказывал. У Суовэй всегда думал, что Чи Чэн расстался с Ван Шо и получил сердечную рану, из-за чего и скатился до такой жизни, а до этого вел вполне целомудренный образ жизни. Кто бы мог подумать, что этот гад всю отрывался еще на втором курсе!

Чи Чэн, твою мать, у тебя вообще был в жизни хоть один чистый период? Ты в самом корне своем старый развратник.

<http://bllate.org/book/20872/2107321>